

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.7)

Научная статья

УДК 101

doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-2-10

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ И ИДЕЯ НАЦИИ: НЕТОЖДЕСТВЕННОСТЬ ФЕНОМЕНОВ СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ

© *Алексей Викторович Агеев*

Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, Россия

ageevalex@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается проблема дифференциации таких актуальных понятий сегодняшнего социокультурного бытия, как «национальная идея» и «идея нации». Показано их различие с позиции этнокультурной идентичности и их смысла в ее контексте. Национализм национальной идеи является национализмом культурной преемственности и цивилизационной самобытности. Национализм идеи нации выражает идею глобализированной массы с ее признанием конца этнокультурной субъектности, как основного творца социального. Основанная на национальной идее самоактуализация преемственности русского цивилизационного кода находится в конфликте с требующей подражательного национализма идеи нации массой. Именно это существенное различие может стать одной из актуальных проблем социально-философского дискурса.

Ключевые слова: национальная идея, идея нации, народ, масса, этнокультурная идентичность, преемственность, субъектность, идеология, самобытность.

Для цитирования: Агеев А.В. Национальная идея и идея нации: нетождественность феноменов социального бытия // Гуманитарные и социальные науки. 2023. Т. 99. № 4. С. 2-10. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-2-10

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.7)

Original article

National idea and nation idea: non-identity of social being phenomena

© *Aleksey V. Ageev*

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russian Federation

ageevalex@yandex.ru

Abstract. It is described the problem of differentiation of such relevant concepts of today's sociocultural life as "national idea" and "idea of the nation". Their difference is shown from the position of ethno-cultural identity and their meaning in its context. The nationalism of the national idea is the nationalism of cultural continuity and civilizational identity. The nationalism of the idea of a nation expresses the idea of a globalized mass with its recognition of the end of ethno-cultural subjectivity as the main creator of the social. The self-actualization of the continuity of the Russian civilizational code, based on the national idea, is in conflict with the mass of the idea of the nation that requires imitative nationalism. It is this essential difference that can become one of the urgent problems of socio-philosophical discourse.

Key words: national idea, nation idea, people, mass, ethnocultural identity, continuity, subjectivity, ideology, originality.

For citation: Ageev A.V. National idea and nation idea: non-identity of social being phenomena. *The Humanities and Social Sciences*. 2023. Vol. 99. No 4. P. 2-10. doi: 10.18522/2070-1403-2023-99-4-2-10

Введение

Социальная истина имеет одну важную особенность, она уравнивает всех, разрушая иерархические построения, ее искажающие, симуляцией. Это разрушение ведет к обнаружению субъектов там, где до этого была указана объективная социальная реальность бессубъектная по сути. Эта бессубъектность не рассматривалась в контексте процессов противодействия сущего должному и наоборот. Сущая объективность социального устраивает тех, кто полагает социальное такой же частью природного бытия, как и собственно природу. Полагая себя вершиной эволюции живого вещества, человек представляет себя превосходящим себя в

эволюции и социального бытия в том числе. Его общежитие с себе подобными может быть усовершенствовано, как и его природа в качестве идеализации телесности без органов социальной ответственности перед потомками. Потомки и предки сегодня сосуществуют, тратя накопленное прапредками – до них и природой – для потомков, еще не родившихся.

Телесность должна утратить любое различие, и тогда самобытность субъекта социального исчезнет сама собой. Таков сценарий эволюции бытия и человеческого, и природного, и социокультурного вообще. Биомасса человечества как объект экспертного деления на пригодное для дальнейшего существования и непригодного есть скрытый ресурс власти эксперта. Эксперта, стремящегося через иллюзорный социальный универсализм убедить всех в том, что полисубъектная социальность есть состояние допустимое, но нежелательное. Нежелательное в силу того, что моносубъектная объективация социального встречает сопротивление этнокультурной исторической памяти. Именно такое сочетание для массы означает конец ее объективации, конец моносубъекта [8, с. 140].

Наука об обществе его не меняет созерцая его, но меняет самого познающего субъекта, полагающего себя источником социальной истины, разрушающих своей объективацией социальные заблуждения. При этом социальная истина не отличается от социального заблуждения на первоначальном этапе. Они могут меняться местами. Общество может быть стабилизировано социальным заблуждением, а может взорваться от социальной истины. Если такое происходит, то необходимо заметить, что социальная истина и заблуждение есть субъективное восприятие самого себя неким социальным субъектом. Обозначив такую антиномичность социального бытия мы предполагаем вполне, что социальному заблуждению необходимо объявить войну путем распространения социальной истины среди широких социальных масс.

Однако массе невозможно научиться постигать социальную истину, её необходимо внушить. Однако внушенная социальная истина не есть на самом деле таковая. Ведь истина достигается через убеждение, через отход от массового сознания, а значит придется расстаться с массой. Этого расставания не допускает сама масса и те, то понимает, что масса устраняется социальной истиной. Убежденность в том, что масса так и останется массой есть либо социальная истина, либо социальное заблуждение. Постараемся разобраться с этой проблемой с позиции актуализации мышления социального субъекта. Начнем с того, как создается масса либо социальным заблуждением, либо социальной истиной? Если масса создается социальной истиной, то тогда какого субъекта, созданного социальным заблуждением истина устраняет? И устраняет ли она его? Возможно она создает иного социального субъекта(сообщество). Если это так, то неустрашимость иного социального субъекта (сообщества заблуждения) есть второй из аспектов социального бытия в его созерцании с позиции истины. Вместе с тем возможно иллюзия устранения социального субъекта заблудшего и есть утверждение возможности существования в качестве массовой объективации.

Обсуждение

Сегодняшнее положение полисубъектной социальности тесно связано в России с тем, что следует полагать национальной идеей, а что является идеей нации? Казалось бы эти два концепта тождественны, но они как правило тождественны только для тех, кто полагает в них только политико-экономический подтекст. На самом деле между ними таится глубокое противоречие, требующее социально-философского обоснования. Такую дифференциацию понятий предлагает А.И. Бобков [4, с. 66].

Национальная идея – это идеал народа в силе или предельная народная субъектность. Идея нации – это попытка создать народ там, где он почти исчез в мировоззрении масс. Первая полностью зависит от религиозного опыта, идущего от ритуального поступка к поступку мысли, а вторая зависит от научного конструирования социальной реальности в силу дефрагментации символической целостности культуры. Утрата своего Бога образно означает уход от признания наличия воли сверхъестественной народной субъектности. Вместо субъекта народа в истории присутствует воля личности, сумевшей подменить бога народа собственным образом социотворца без народа и без его экстатического волеизъявления как религиозного

опыта. Апокалиптик перестал бояться ничто, но не при помощи овладения со мышлением с народом, а путем собственного мышления, как воли к власти над собой через власть над другими. Теперь его забота о себе есть только забота о себе без заботы о других. Его иллюзия того, что народ ничто есть уход от ничто не как избавление от страха перед ним, а избавление от страха быть вне народа, без народа. Народ ничто тогда, когда масса ничто становится подвластной тому, что желает быть собой, но не быть частью. Целостность уже не в части стремящейся к тому, чтобы узреть свое самобытие через самобытие целого, через предельную объективацию себя, а наоборот представление целого как ничто.

Идея прогресса несовместима с национальной идеей в силу того, что прогресс предполагает превосходство будущего над прошлым и настоящим в силу того, что органичное развитие для него не является идеалом, в то время как национальная идея указывает на равенство времени в силу ее опоры на органичность. В данном случае под органичностью понимается торжественность этнокультурной субъектности самой себе в любую эпоху. Обреченности на смерть здесь нет в силу очевидности преемственности.

Поэтому уйдя от преемственности конструкторы идеи нации не допускают того, чтобы масса стала тупиком социального. Бессубъектное социальное устраивает буржуа, ибо уже никто не может заниматься социотворением кроме него в силу того, что объективация социального ему подвластна, а ускользающая этнокультурная субъектность – нет.

Идея нации идет вразрез с национальной идеей в силу механицизма социального бытия, вне его органичности. Как отмечает О.В. Щупленков: «Нация демонстрирует безликость, когда «внешнее» отчуждает его от собственной духовной потенции. «Рыночная» мотивация, её требования, будучи чуждыми, для национальных культур народов Евразии, тем не менее, из-за востребованности «временем» трансформировались сегодня в «идолы» дня, ломая нравы и установки наших людей, не имеющих опыта адаптации и культурного иммунитета против негативных сторон «соблазнов века». Именно тогда каждый второй объявляет себя поэтом, писателем, художником, ученым и т.п.» [13, с. 132].

Именно техногенность сообщества является необходимой демонстрацией овладения бытием, тотальное овладение. Для того чтобы сомнений ни у кого не было, идея нации конструируется в прошлом, в настоящем и будущем через изобретение традиции. Традиции успокаивающей массу тем, что она начинает уважать не массу, а именно индивидуализированное сообщество, являющееся ей же только с идеей нации. Никто и не подозревает, что масса как потенциальная нация была создана впервые тогда, когда идея католической церкви впервые была сконструирована идеологически, точнее теологически, как христианство без Христа. Техногенная квазирелигия — вот сущность воплощения идеи нации. В отрыве от первообраза этнокультурной субъектности она полагает себя субстанцией.

Отсюда масса как лишенная возможности стремления к коллективной субъектности субстанция, поглощающая все, через дезинтеграцию себя. Ее дезинтеграция – необходимость для субстанции, ибо только такой путь развития техногенен. Упреки Ницше христианству в том и заключаются, что в субстанции нет трансцендентной целостности. Она просто полагается основанием, способным лишь к распаду или к поглощению уникального. Иначе говоря, конструирование нации в контексте ее идеи идет по сценарию отстаивания права познающего бытие человека и общества на замену его созерцания, овладением его частями, через разрыв его связей. Это происходит благодаря предельной механизации бытия. Утверждение отсутствия возможности у этноса уйти от состояния массы осуществляется через его обреченность на распад без выяснения подлинных причин этого процесса. Принципиальное различие национальной идеи и идеи нации заключается в возможности «ускользающего бытия» для народа [7, с. 38].

В идее нации бытие охвачено и его основание масса. Для элиты этого достаточно. Для массы тоже. Объект нуждается в возвышении. Поэтому идея нации идеологическая, а национальная идея утопическая до тех пор, пока пространство десакрализовано. Реальность, сконструированная по идее нации есть вещная реальность постоянного изменения, ибо субъ-

ектности способной ей сопротивляться в ней не предусмотрено. Однако это сопротивление есть, но его последствия и его явленности требуют иного масштаба измерения. Они требуют восприятия через ценность выявления смысла развития, а не адаптации к изменению. Отсюда и разница в том, что для народа нет нации, а для нации нет народа. В первом случае не признается знание о вещи выше ее непознанного смысла, во втором не признается возможность преемственного развития и вечности.

Уход от возможности тотальной объективации социального бытия может произойти только при признании полисубъектной социальности. Это возможно лишь тогда, когда возвышение объекта будет осуществлено не через сохранение монолога о нем, как желания исчезновения противоречий, а как узнавание того, что эти противоречия создало. Именно это обнаружение причины противоречий внутри народа имеет ключевое значение. Для идеи нации они неустранимы в силу разрыва между нацией и народом через массу, а национальная идея посвящена как раз тому, чтобы массы вообще не было как объекта с чертами субъекта.

Национальная идея исходит от парения над бытием, как созерцание. Отсюда хорошо видно, что все мышление в субъекте рождается от познания себя, как воли к власти над собой, как самотрансценденция. Поэтому народ в силе есть возможность отбирать миротворцев этноцентричного характера. Лиминальность здесь сильна до такой степени, что временность могущества иерархии очевидна. Иное дело, когда целостность бытия недоступна, она означает лишь возможность не прибегать к мифологии и религиозному опыту, а полагаться лишь на разум трусливого объекта, возмнившего себя субъектом путем отказа от практик созерцания бытия, как самобытия [12, с. 117].

Отсюда возможно и есть рутинизация харизмы, когда слабые в мудрости становятся сильными в разуме. История бытия народа в идее нации пишется по-другому. В ней нет самородков. Все процессы отбора подчинены разуму, и отбор в самые умные ведется среди тех, кто наиболее далеко отошел от возможности творить народ и создаваться народом. Иначе говоря, кто максимально уверовал в конец этнокультурной субъектности или в конец национальной идеи. Для него есть христианство, но нет Христа, для него есть бытие без мышления, культура без обычая. Разум здесь измеряется количеством власти над массой, а внутри массы количеством возможности ухода от возможности самосубъектности через объективацию рядом и нижестоящих. Иначе говоря, построение этнокультурной реальности без этноса, но с массой. Согласие на постоянство массы. Для техногенной цивилизации лучшего не придумаешь.

Почему возвращение к национальной идее предполагается невозможным с позиции техногенной цивилизации? Ее нет у тех, кто потратил усилия на утверждение картины социального бытия с массой. Как ему это удалось? Скорее всего путем отказа от соединения быденного языка с языком философии и перевод последнего на соединение с языком науки. В этом философском языке этнокультурной субъектности обнаружить нельзя, а вот массу сколько угодно. Возможно поэтому европейские народы исследовать запрещено. В силу того, что масса здесь техническая субстанция социального бытия. Отсюда нежелание индивидуальности интегрироваться. С массой интегрироваться не хочется никому, а народа нет. Или он уже переоформлен под нацию. Массой удалось овладеть, из нее можно сконструировать нацию, как соединение при помощи разума. Нацию создает научная философия. Это необходимо доказать. Докажем это.

В контексте научной философии субстанция с субъектом интегрироваться не может. Двойственность этноса как сочетания субъекта и субстанции существует лишь в мире с иррациональным. Рациональный мир в данном случае только предполагает владение объектом.

Процесс объективации выглядит как стремление вперед, прочь от прошлого, но с решением проблем в будущем через поглощение всего, что не есть масса. Это уход от идеи культуры, которая предполагает выход за пределы себя к непостижимому. Масса рождается в момент, когда непостижимого больше нет. Оно исчезло, потому что масса заполняет все бытие человека через постижимое. Масса создается искусственно путем удаления человека.

Умаления до состояния исследующего, но немыслящего субъекта, ибо мыслящий без непостижимого невозможен. В исчезновении безумия в качестве основы мысли виноват рационализм в его национальной унификации. Самобытность хочет быть, а не казаться, нация же все время кажется, но не бывает [8, с. 41].

Такое состояние нации во многом вызвано тем, что симулякр наличия воли при безволии происходит от невозможности созерцания бытия. Это вызвано с одной стороны тем, что масса и возникла в результате отказа от этой практики в пользу овладения им, а с другой стороны в силу того, что ей противна любая преемственность. Ведь она требует выхода из себя, самопознания себя, самоопределения себя через предположение самобытности в преемственности. Разрывы в самобытности невозможны, как невозможны и границы, предписанные кем-то. Только отсутствие границ у народа не в тому, что он заполнил бытие массой, а в тому, что он не согласился с теми границами объективации, что встретили ему создатели симулякра народа. Границы временные с окончанием преемственности и самобытности [3, с. 109].

Берет ли что-то от национальной идеи идея нации? Начнем с того, что может взять и берет ли вообще? Если бы преемственности не было вообще, то тогда констатация Б. Андерсона о том, что национализм заслуживает помещения между католицизмом и протестантизмом, была бы неуместной [1, с. 11]. Однако это помещение для идеи нации европейского характера вполне приемлемо, ибо масса создана и католицизмом, и протестантизмом, как признающими субъектность этноса невозможной. Слишком подведен под состояние объекта народ, чтобы его от этого избавить. Индивидуальность, возросшая на отрицании и церкви и народа, не есть изобретение некой религиозной философии, он есть изобретение квазирелигиозного научного теологизирования на темы истории. Теологизирования требующего изгнания воли религиозного опыта из конструирования социальной реальности [2, с. 279–280]. Традиция народа прерывается, а значит возможности для национальной идеи не существует. Ее в данном случае вообще нет. Как нет народа, интегрированного в религиозном опыте.

Расколдованный мир Запада был таким изначально и таким и остался. Православный мир другой, а значит в нем нет нации, но есть народ. Онтологически народ утверждается тогда, когда все картины мира, созданные личностью, целостно интегрированы. Эта интеграция есть единство в многообразии и идет оно от включения религиозной картины мира в этническую, а не их разделение с окончанием этнической. Православная идея наследуется. Как резюмировал А.С. Панарин: «Православная идея вытесняется из мест, где симфония не складывается или оказывается ненадежной по причине слабости государства, вынужденного идти на поводу «земных» сил и интересов, и ищет места, где такая симфония осуществима» [11, с. 277].

Масса начинается тогда, когда общество отказывается верить в наличие трансцендентной воли, которая заставляет массу выйти из себя, то есть быть вне себя, чтобы созерцать отсутствие идеи, как собственную сущность. Масса в данном случае есть ничто [6, с. 19].

В таком случае выход вне себя есть народ. Иначе обстоит дело тогда, когда выхода вне себя не происходит масса остается массой, но ей овладевает некая идея. Иначе говоря, объектностью массы овладевает некое конструктивное начало не выпасающее массу из тотальной объективации. Данная идея не предполагает возможность для массы созерцать собственное самобытие. Самобытие массы не возможно изначально, а вот самосозерцание народа возможно, ибо для него инобытие есть условие его как субъекта. Национальная идея потенциально указывает на то, что овладение бытием невозможно в силу признания его ускользания. Бытие фиксируемое, деконструируемое, разделяемое вечным не является, а созерцаемое есть вечное и цельное. Оно есть единение инобытия и бытия, как самобытие. Самобытие в данном случае определяется, как уход от овладения к созерцанию из инобытия к бытию, как более качественному состоянию субъекта. В идее нации уход от бытия в инобытие окончателен и возвращение в бытие не происходит. Бытие изменено окончательно и стало инобытием. Прежнее бытие уже созерцать невозможно.

Народ не нация в силу того, что он четко настаивает на возвращении из инобытия к бытию. Это неразумно. Это иррационально. Как отмечает А.И. Бобков: «Мысль этноса

можно понимать, как уход от рациональной структуры в сторону лиминальности. Рациональное провозглашает лиминальность как практику неприятия мира, как отсутствие смысла. Однако справедливости ради следует отметить, что любая работоспособная структура есть лишь закрепление лиминальных практик в иерархическом ранге. Любая структура есть эксплуатация лиминальной идеи, с одной стороны, и недопущение ее продолжения – с другой. Этническое самосознание метафизического характера есть, наоборот, продолжение того социосозидающего смысла, который был утрачен в результате процесса легитимации социальной структуры» [5, с. 74].

Отсюда видно, что национальная идея духовна, поскольку нацелена на целостность бытия. Идея нации бездуховна в силу того, что объективация массы признается сущностью социального развития. Как отмечал В.М. Межуев: «Идея, следовательно, – это система ценностей, имеющая более универсальное значение, чем национальный интерес. Интерес – это то, что каждый хочет для себя, идея – то, что он считает важным, нужным не только для себя, но и для других, в принципе – для всех. Каждый народ, как и каждый человек, имеет свой интерес, но далеко не каждый имеет идею» [10, с. 74].

Любая традиция, направленная на разрушение массы путем восстановления преемственности, подвергается преследованию со стороны новации. Традиция направлена на сопротивление новации в силу ее ориентации на массу, как обреченный объект без идентичности. Бытие массы тотально, а значит повторяемость в объективном состоянии невозможна. Здесь истина есть высказывание о ней без учета способности к опровержению понятий о ней и суждений о ней. Веберовская свобода от оценок здесь возможна, ибо любое субъектное состояние предполагает лишь гипотетическое понятие, а значит сопротивление субъективным суждениям. В случае национальной идеи иными они быть не могут. В случае же объектного положения массы материальная сила ведет субъектность либо к саморазрушению одновременно с не разрушением массы, либо к ускользанию.

Иллюзия того, что идея нации преодолела массу, основывается на том, что индивидуальность больше не опасна в силу отсутствия того, кто опасается. Масса не сопротивляется в силу того, что иного состояния безмолвствующего большинства нет и быть не может. Конец социального здесь утверждается за счет единственного социального субъекта индивидуальности уходящей от культуры народа в первую очередь от ее практик социотворения. В массовой культуре эмоция ухода от мертвой традиции означает лишь то, что народ не может уяснить закономерности социального, человеческого и культурного бытия. Национальная идея есть сомнение в таком вердикте [4, с. 103]. Масса создается без созерцания бытия, именно созерцание бытия ведет к тому, что национальная идея наличествует в нем. Более того она воплощается постоянно через недопущение одномерного мышления индивидуальности. Соборное мышление здесь очевидно. Оно есть отказ от коллективного безмыслия в силу того, что масса в ней ничто, даже не ужасающее. Масса есть по сути все то, что отказалось от народной субъектности. Отреклось от соборного мышления через научную картину социального бытия [4, с. 46]. В ней социальное больше не принуждает творить себя на основе общего дела. Само общее дело искореняется в пользу частному делу. Это частное дело уже не рассматривается как часть общего дела и совместного мышления, а как результат самоотторжения от массы, иллюзорного самоотторжения.

Иллюзия здесь в том, что поглощение массой уже не за горами, ибо совместного мышления не наблюдается. Даже если личность утрачивает любую интеграцию с массой путем утраты эмоций, навязываемых массовой культурой или идеологией, то это не означает, что она стала способной в массы не интегрироваться. Масса все равно не может ее поглотить до тех пор, пока личность не обнаружит национальную идею как преемственность внутри этой массовой культуры. Это сделать сложно в силу того, что разделение внутри массовой культуры энергетически мощно. Оно не только разделение индивидов между собой, но и разделение личности с народом. «Мы» народа предстает как немыслимое. Отсюда полное нежелание интегрироваться с ним со стороны индивидуальности.

Народ обозначается запрещающим мыслить стадом, он не индивидуальность, не самобытность. Однако именно он и препятствует индивидуальности быть индивидуальностью, поскольку сам как не индивидуальность не существует.

Индивидуальность народа рождает индивидуальность личности, ею же она утверждает-ся. Массе и то, и другое неподвластно. Она стремится к естественности объектности. Поэтому даже выделяя индивидуальность, она ее принуждает осуждать народ, рвать с ним через превосходство. Индивидуальность должна признавать превосходство массы над народом, в этом суть идеи нации. Национальная идея наоборот утверждает временность массы, а значит временность конструкта нации, защищающего народ от массы через массу. Эта защита происходит в результате того, что в идентичности личности обходятся те запреты, которые были в ней до победы массы над народом. Именно эти запреты не давали заместить национальную идею в этнической картине мира. Однако для национальной картины мира именно эти запреты не характерны. Нация вне этих запретов существует в качестве некоего иллюзорного субъекта. Его иллюзорность заключается в том, что личность здесь лишена поступка, творческого акта самопожертвования.

Табу национальной идеи в том и состоит, что никакая социальная субъектность не существует без самопожертвования, как акта обнаружения интегрированной индивидуальности и интегрирующей самобытности. Нельзя жертвовать самобытностью народа, не потеряв при этом индивидуальности. Даже если эта самобытность кажется ограничивающей индивидуальность, поскольку ограничена неверно. Разрушение индивидуальности есть удел не самобытности, а ее противоположности подражанию. Ведь подражать для того, чтобы поглотить индивидуальность возможно, но интегрировать индивидуальность через подражание невозможно. Народ народу не тождественен. Это не означает, что один самобытие, а второй нет. Народ тождествен сам себе в силу того, что возвращение народа к самому себе идет через познание им самого себя, как и открытие индивидуальности.

Может ли познание самого себя идти через подражание тому, что самого себя утратил через навязывание этого подражания? Подражать возможно тогда, когда была осуществлена жертва самобытности. Национальная идея была воспринята как проклятая доля, а доля идеи нации, как отречение от самобытности была воспринята как доля жизнеутверждающая. Смена знака того, что прерывает преемственность с минуса на плюс, является важнейшей точкой господства национализма идеи нации над национальной идеей. Национальный образ мира как неполный был заменен картиной мира, где преодоление массы невозможно, поскольку она повсюду. Непоглощенное массой сакральное пространство было обозначено, как пустое. Состоялось угасание национальной идеи. Возможно ли такое? Возможно, если подстраиваться под то, что масса легко отказалась от идеи духовной силы в пользу материальной силы. Комфорт тела был куплен ценой утраты мысли. Тело в тотальном удовольствии ведет к тому, что могущество массы уже не оспаривается никем. Однако слабость массы очевидна, но только тогда, когда ее исчезновение происходит через принесение в жертву тех идей, что убедили массу в ее могуществе.

Выводы

Суть национальной идеи в том и заключается, что она защищает все, что не масса – от массы, но не в пользу варваризации последней, а в пользу как раз ее ухода от самой себя в состояние народа. Вещи для господства массы производятся как вещи для народа, но таковыми не являются в силу того, что не содержат смысла. Они суть символы поглощения массой не массы. Стандартное поглощает самобытное тогда, когда социальный объект, кажется тотальным. Таков лозунг идеи нации, в контексте концепции В.С. Малахова, полагающего «...национализм как политическую идеологию, в которой «нация», понятая в качестве культурно гомогенного сообщества, выступает единственным источником суверенитета, преимущественным объектом» [9, с. 314].

«Самобытное поглотить невозможно» – таков лозунг национальной идеи. Непоглощенное массой самобытное и есть итог мышления в лоне национальной идеи. Самобытное

познается только самобытным. Здесь мы имеем ввиду отход от того, что опережающее может быть самобытным. Ценность самобытности в том, что уникальное и постигает уникальное, ибо несамобытное для него неприемлемо. Масса не хочет целостности внутренне у нее нет, но внешняя целостность для нее весьма проблематична. Она происходит из вне, через подражание. Гуманизм массы состоит в том, что она не растет ввысь, а падает вниз, уходя прочь от корней и стремясь отложить мышление на потом. Идея нации может измениться, национальная идея – никогда.

Список источников

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001. 288 с.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: “Медиум”, 1995. 323 с.
3. *Бобков А.И., Решетников В.А.* Политическая социология: Учебное пособие. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2017. 180 с.
4. *Бобков А.И.* Религиозный опыт и этническое самосознание в современных обществах. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2009. 151 с.
5. *Бобков А.И.* Социальная лиминальность и сконструированная этноархаика: различие смыслов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 74–78.
6. *Бодрийяр Ж.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 96 с.
7. *Гиренок Ф.И.* Ускользящее бытие. М., 1994. 220 с.
8. *Кемеров В.Е.* Общество, социальность, полисубъектность. М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2012. 252 с.
9. *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.
10. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара. Выпуск № 2. М.: Научный эксперт, 2009. 160 с.
11. *Панарин А.С.* Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев. Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
12. *Финк Р.А.* Национальная идея как выражение национальной специфики культуры // ОНВ. 2012. № 1 (105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-kak-vyrazhenie-natsionalnoy-spetsifiki-kultury> (дата обращения 02.05.2023).
13. *Щупленков О.В.* Императивы национальной идеи // Философская мысль. 2013. № 2. С. 122–164.

References

14. *Anderson B.* Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. М.: Kuchkovo field, 2001. 288 p.
15. *Berger P., Lukman T.* Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. М.: "Medium", 1995. 323 p.
16. *Bobkov A.I., Reshetnikov V.A.* Political sociology: textbook. Irkutsk: Irkutsk State University, 2017. 180 p.
17. *Bobkov A.I.* Religious experience and ethnic identity in modern societies. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. 151 p.
18. *Bobkov A.I.* Social liminality and constructed ethnoarchaism: difference in meanings // Bulletin of the Tomsk State University. 2015. No. 394. S. 74–78.

19. *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social. Ekaterinburg: Ural Publishing House, Univ., 2000. 96 p.
20. *Girenok F.I.* Escaped life. M., 1994. 220 p.
21. *Kemerov V.E.* Society, sociality, polysubjectivity. M.: Academic Project; Mir Foundation, 2012. 252 p.
22. *Malakhov V.S.* Nationalism as a political ideology: Textbook. M.: KDU, 2005. 320 p.
23. National idea and viability of the state. Formulation of the problem. Materials of scientific seminar. Issue No. 2. M.: Scientific expert, 2009. 160 p.
24. *Panarin A.S.* Orthodox civilization / Comp., foreword. V.N. Rastorguev. Ed. ed. O.A. Platonov. M.: Institute of Russian Civilization, 2014. 1248 p.
25. *Fink R.A.* National idea as an expression of the national specifics of culture // ONV. 2012. No. 1 (105). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-ideya-kak-vyrazhenie-natsionalnoy-spetsifiki-kultury> (date of access 02.05.2023).
26. *Schuplenkov O.V.* Imperatives of the National Idea // Philosophical Thought. 2013. No. 2. P. 122–164.

Статья поступила в редакцию 05.05.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 23.05.2023.

The article was submitted 05.05.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 23.05.2023.